

**КОГДА НАЧАЛЬСТВО УШЛО: О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И
ЛИТЕРАТУРНОМ РЫНКЕ**

Была у Василия Розанова книга с таким названием. Намеченный им мотив так и просится в уши в последние годы. Подзатынувшиеся годы постперестройки. Думаешь ли о разгуле преступности, захлестнувшей Россию, или о шабаше бескультурья на ТВ и в печати, невольно задаешься вопросом: а где же та верховная волевая сила, что призвана направлять всякое общество в хоть сколько-нибудь разумное русло? Иными словами, куда подевалось начальство? Не в том фельдфебельском советском смысле слова, по нему-то мы не скучаем, а в изначальном христианском, к которому мы так рьяно теперь по видимости припадаем. Ведь Начальником у святых отцов именовали не кого-нибудь, а Христа.

Русско-немецкие, как и в целом русско-западные литературные отношения – частность, которая может показаться не шибко значительной в ряду насущных проблем. Но это как посмотреть. Если продолжать и дальше подмену культурного обмена одним заимствованием товаров, то мы не заметим, как и сами одичаем, да ещё подтолкнем к пропасти тех интеллигентов в Европе, кто, следуя традиции, по-прежнему чаёт духовного «света с Востока».

О, как мы не любили это самое начальство в советские годы! Какие источали по его адресу сарказмы, сидя на редсоветах, что тогда были в заводе при всех центральных издательствах. Держиморды, тупицы, сатрапы, засевшие в своём ЦК как в кафковском «Замке»... Шайка невежд, отсекающая нашего читателя от всего лучшего, что создала западная классика XX века...

Да только в наши дни, оглядываясь назад, приходится признать: чуть ли не всё лучшее из области этой самой классики, было переведено и издано именно тогда – до так обнадёжившей и так обманувшей нас, наивных, перестройки. Одна серия «Мастера зарубежной прозы» издательства «Радуга» чего стоит. Если и ныне понадобится перелистать какой-нибудь давно не издаваемый шедевр, то обращаешься, как правило, к ней.

Теперь не то. Магазины завалены книжной продукцией, но искать среди них шедевры современной словесности – что иголку в стоге сена.

Нынешний книгообмен с немецкоязычными странами выглядит особенно удручающе. А жаль. Ведь наша мысль – в том числе и славянофильская – выросла от немецкого корня. Кант, Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше придали в свое время остойчивую структуру русской культуре. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов с лихвой вернули должок. Святая, по слову Томаса Манна, русская литература по сей день питает своими соками лучшие творения немцев. Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Зигфрид Ленц, Ганс Магнус Энгенсбергер, Мартин Мозебах этого не скрывают.

«Англичане вечно были к нам холодны, сколько мы со времён Грозного их не домогались, французы только давали себя любить, а вот немцы отвечали пылкой взаимностью, хоть и доходившей иной раз до свары». Подобные высказывания приходилось слышать и от Битова, и от Зульф리카рова, и от Чухонцева, и от многих других наших видных писателей. Похоже на соборное мнение. И оно, видимо, справедливо.

Литература, прежде всего, – показатель духовно родственных отношений. А без этих связей, без надёжных союзников и соратников в деле Традиции нам не выстоять перед натиском новых орд, стремящихся к очередному переделу таинственной карты планеты. Так что культурные сношения с давними и во многом близкими по духу партнёрами – самая что ни на есть геополитическая насущность. Но достаточно ли пестуем мы их в наши дни?

Людам даже много читающим, но не владеющим обоими языками, русским и немецким, и не воспитавшими свой вкус под водительством умной критики, может показаться, что дело обстоит вполне благополучно. Переведено и переводится в обе стороны немало, и вроде бы предъявлено и предъявляется друг другу всё, что заслуживает внимания.

На самом деле благополучие это – мнимое, потому что сугубо количественное. Важно ведь, что именно переведено и какого достоинства переводы. В области духа – и особенно взаимовлияния – имеют значение только ценности первого ряда: тесно на Олимпе, а жизнь коротка.

И если держаться достохвального гамбургского счёта, то свершения посредников между нашими литературами ещё весьма и весьма далеки не только от идеала, но и от нормы.

Сосредоточусь, в основном, на наших винах перед Германией. Вернее – перед теми русскими читателями, что желали бы познакомиться с классикой немецкого романа XX века, но не успели с этой целью выучиться по-немецки.

Зато они наслышаны о том, что этому роману принадлежит едва ли не ведущая роль в мировом литературном процессе столетия. И слух этот верен. Впитав достижения русского романа «золотого», а отчасти и «серебряного» века, соединив их с собственными навыками философской рефлексии, немецкоязычная проза в минувшем веке вышла в бесспорные лидеры на Западе. Пятеро немцев – Томас Манн, Герман Гессе, Альфред Дёблин, Ганс Хенни Янн, Арно Шмидт плюс шестеро австрийцев – Роберт Музиль,

Франц Кафка, Герман Брох, Йозеф Рот, Хаймито фон Додерер, Томас Бернхардт – составили такую когорту выдающихся прозаиков (возглавляемую магом языковой экспрессии швейцарцем Робертом Вальзером), какую не соберут ни французы, ни даже испанцы с латиноамериканцами, ни даже, даже англичане с американцами. (Разве что русские романисты могли бы выставить сопоставимую по мощи десятку.)

Каждый из перечисленных мастеров определил своим творчеством что-то существенное в облике западноевропейской литературы XX века. Соответственно каждый заслуживал бы полного собрания сочинений на русском – раз уж мы такая «литературоцентристская» страна. А как обстоит дело в действительности?

Увы, о сколько-нибудь полных собраниях зарубежных авторов у нас не приходится и мечтать. Даже Райнер Мария Рильке, величайший (среди прочего «величайшего», что о нём можно сказать) литературный адвокат России перед всем честным миром, переведён дай Бог если наполовину. Из нашего списка прозаиков русские многотомники (хоть и с усечённой эссеистикой и без большинства писем) только у Томаса Манна и Кафки. Относительно благополучны (без дневников, большинства статей и писем) ещё Музиль и Гессе. С остальными совсем худо – не представлена и десятая часть наследия. От них взято – словно «для галочки» – по одной книге, во многих случаях далеко не главной. А ведь такие вещи, как диалогия Додерера («Штрудльхофштиге» и «Демоны»), «планетарная» эпопея Дёблина «Моря, горы, гиганты» или «субъективная» эпопея Янна «Река без берегов», принадлежат к самым значительным литературным памятникам века. Не иметь их русских изводов – это всё равно как если бы немцы проигнорировали «Жизнь Климса Самгина» или «Тихий Дон». Нет в полном объёме и обаятельнейшей прозы Йозефа Рота – о яркой и пёстрой жизни, кстати, многоязычного населения русско-австрийской границы накануне первой мировой войны. Тоже своего рода совокупный эпос, где герои кочуют из одной книги в другую, подобно «йокнапатофной» эпопее Фолкнера, которая всё же переведена у нас образцово.

Ни в одной «цивилизованной» стране Европы, на которую мы так привыкли (в ценообразовании, прежде всего) равняться, такой скандал невозможен. И всего печальнее, что после падения идеологических препон делается ещё меньше, чем прежде, при насупленно бдительных коммунистах. Его величество Рынок оказался посуровее ея светлости Идеологии.

А если ещё хоть что-то и делается для стирания вопиющих белых пятен в этой области, то исключительно благодаря энтузиазму испытанных идеалистов-переводчиков. Неумоимо продвигает «неконъюнктурного» Петера Хакса Э. Венгерова, благо блистательно переведённый ею «конъюнктурный» «Парфюмер» Зюскинда хоть как-то её подкармливает. Умудряется пристроить пьесы Музиля и воспоминания Брода о «пражском кружке» Н. Фёдорова. Находит провинциальных издателей Т. Баскакова для того, чтобы хотя бы мизерными тиражами, но продлить русскую жизнь таким виртуозам пера, как Дёблин («Двенадцать прыжков Ван Луния») и Арно Шмидт («Каменное сердце»). Свою посильную лепту в это почти затухающее культурное дело вносят переводчики-поэты – В. Вебер, В. Куприянов, В. Микушевич. Это благодаря их мастерству и настойчивости выходят иногда новые переводы Рильке и Бенна.

Слово «энтузиазм» обронено мной неслучайно. Мало кто догадывается, за какие копейки приходится ныне трудиться мастерам слова. За печатный лист сложнейшего текста – пусть хоть Гёте – ни одно издательство сейчас не заплатит больше трёх тысяч рублей. Для сравнения: столько берёт квалифицированный (или считающий себя таковым) педагог за один только урок иностранного языка. Попробовал бы он сколько-нибудь приемлемо перевести двадцать страниц Гёте хотя бы за неделю.

Ныне живущие и тоже немало пишущие прозаики Германии, конечно, не такие богатыри, как перечисленные классики века. Что поделать, во всём мире литература переживает далеко не звёздный свой час. Есть, однако, и в наши дни в Германии несколько авторов, чьё значение в литературной и даже общественной жизни страны столь велико, что нам, добрым соседям, следовало бы переводить каждую их новую книгу. Однако мы давно уже забыли и про Мартина Вальзера, и про Зигфрида Ленца, и про Петера Хандке, хотя их новые книги по-прежнему возглавляют списки бестселлеров в Германии, как и полвека назад. Не привлекают нас почему-то и лауреаты самой престижной в Германии премии имени Бюхнера. Даже если идеологически они нам как родные: Мартин Мозебах, к примеру, не просто признанный наследник Томаса Манна в качестве мастера семейной саги, но и известный в своей стране православный мыслитель, отстаивающий православное дело в печати (в статьях не только о литургии, но и о Пушкине, Флоренском и других русских авторах).

Помогает делу, слава Богу, ещё только Нобелевская премия. Благодаря ей наши издатели милостиво соглашаются иной раз печатать переводы из Гюнтера Грасса (Б. Хлебников, М. Рудницкий) и Эльфриды Еллинек (А. Белобратов, Т. Набатникова).

На прочие уговоры германистов наши издатели, как правило, не ведут и ухом. О своих мытарствах на этой горькой стезе могла бы поведать ещё одна пламенная энтузиастка – переводчица Галина Косарик, неустанно тасующая издателей в поисках козырного туза для своей славно задуманной, но слабо осуществляемой серии «Современная немецкая проза». А у нее в заглавнике немало интересного. Хотя

бы – очаровательный Кельман, весёлый роман которого о братьях Гумбольдт больше года раскупала вся Германия: по остроумию и стилистической находчивости он вполне мог бы (и в переводе тоже) соревноваться с «Козлёнком в молоке» Юрия Полякова.

Увы, издатели наши к немецкой литературе относятся с предубеждением. Они, похоже, всё многоцветье зарубежной литературы хотят свести к одному англо-американскому колеру. Иной раз кому-то из германистов ещё удаётся подцепить на крючок кого-то из философствующих снобов (и тогда появляются Ницше, Фрейд, Витгенштейн, Хайдеггер), но никогда – циников, наваривающих деньгу.

Остаётся надеяться на возрождённое недавно Государственное издательство «Художественная литература». Когда-то оно было флагманом издательского дела в отечестве, образцом культуры этого дела, начальником ответственных начинаний. Сейчас самое время – руководствуясь строго продуманной программой – спасти великую традицию разума в литературном хозяйстве. Пока еще не вымерли мастера-мастодонты. Молодёжь-то, призывники Потребления, предпочитает работать на фирмы коммерческого уклона, получая за перевод стандартной деловой бумаги в десятки раз больше, чем за любой самый изысканный сонет. И непрерывно теряя свою литературную квалификацию в погоне за материальными благами.

А что же родина Гуттенберга? Как там переводят и издают новую и новейшую русскую литературу?

Что до классики XX века, то дело обстоит гораздо благополучнее, чем у нас. Явных провалов нет. Хотелось бы больше внимания к таким «самобыткам», как Шмёлев, Шергин, Кржижановский или Дурьлин, но, возможно, это дело времени. Во многих случаях оставляет желать лучшего качество переводов, но есть и подлинные мастера. Великолепно переводят поэзию Ингольд и Ницберг, прозу – Решке, Урбан, Эрб, Ничке, Ракуза. Нет сомнений, что все оставшиеся лакуны в ближайшее время будут достойно закрыты.

А вот с текущей литературой почти такая же беда, как у нас. Стихия рынка и в Германии многим застит глаза. Ведь немцы очаровательны ещё тем, что во многом по-милому провинциальны. А первый признак провинциала – сугубое почитание «известности». А известность, как известно, не Царство Божие, она берется не духовным усилием, а скорее и проще всего – скандальным нахрапом. Вот и пестрят на книжных прилавках Германии едва ли не чаще других опусы тех современных русских авторов, кого сколько-нибудь серьезная русская критика держит за докучливое охвостье литературы. Распутина, Личутина, Лихоносова, Зульф리카рова, Крусанова, Евсеева здесь не увидишь. Только-только начинают издавать Ю. Полякова. Оправдательное извинение у издателей всегда одно: «Мы издаём только то, что хотят переводить наши переводчики». А переводить Токареву, Рубину, Улицкую, Дашкову, Донцову или Маринину куда прибыльнее и легче, чем мастеров языковой экспрессии, ориентирующихся на Лескова и Платонова, Бунина и Булгакова.

К тому же наша ушлая «группа захвата» во главе с Вик. Ерофеевым быстро усвоила нехитрые технологии зарубежного успеха: всласть «поработать» с переводчиками, прикинуться гонимыми борцами за права человека, внушить бедным немцам в бесчисленных интервью мысль об особой значимости своей в истории русской литературы (по схеме: «Гоголь, Платонов и я») и т.д. Так, помнится, устроители мюнстерского фестиваля поэзии лет десять назад мне говорили: «Кого бы еще из России позвать, кроме Пригова и Айги? Мимо этих-то ребят мы теперь уж никогда не проскочим – на такой постамент они сумели себя воздвигнуть!».

Результат один, и плачевный: немецкий читатель, воспитанный на русской классике, и доверчиво тянувшийся по привычке к переводам с русского, бывает горько разочарован. Об этом внятно и убедительно писал не так давно в «Литературной Газете» проживающий в Аугсбурге наш известный поэт-переводчик, а теперь ещё и издатель Вольдемар Вебер.

Что тут можно поделать? Заниматься просвещением бесполезно – на это уходят века. Выход один, и его давно уже отыскивали европейские народы и государства. У них, в Европе, есть государственные программы поддержки своих избранных литераторов за рубежом. Те же наши переводчики с немецкого давно бы померли с голоду, если бы им не подбрасывали время от времени какие-то вспоможения немцы, австрийцы и швейцарцы – из своих культурных фондов. Если бы не приглашали их в свои бесплатные дома творчества, не давали поощрительные стипендии для работы в архивах и библиотеках. Что-то подобное необходимо завести и у нас. Тот же Фонд Андрея Первозванного мог бы, вероятно, взять на себя регулярные семинары для переводчиков с русского – на базе, к примеру, Ясной Поляны или того же Переделкина. Глядишь, встречи и собеседования с ведущими нашими авторами и критиками как-то и поспособствовали бы пониманию и уважению истинных ценностей современной литературной России.

Бороться с цинизмом можно только одним способом – создавать островки идеализма. И постепенно расширять их. Приближая тот час, «когда народы, распри позабыв...».